

**АВГУСТЕЙШИЙ ПОКРОВИТЕЛЬ УЧЕНОГО СВЯЩЕННИКА ИЗ ПРОВИНЦИИ:
М.Я. ДИЕВ И НИКОЛАЙ I**

В данной статье рассматривается проблема влияния круга знакомств на жизнь и творчество провинциально-го ученого из духовного сословия Михаила Яковлевича Диева, благодаря которому костромская историческая мысль стала известна научному миру России. Автор впервые выявляет степень влияния окружения ученого священника: ботаника-естествоиспытателя из дворян А. Бошняка, профессора московского университета этнографа И.М. Снегирева, поэта В.А. Жуковского. В статье рассматриваются ключевые моменты жизни М.Я. Диева, способствовавшие его известности при царском дворе. Провинциальный священник стал известен императору Николаю I и его наследнику. Только императорское покровительство прекратило волну притеснений сельского ученого-священника со стороны местного епархиального начальства и обеспечило ему возможность плодотворной научной работы и пастырского служения.

Ключевые слова: Диев, Бошняк, Николай I, Александр Павлович, Жуковский, Бартнев, Нерехта, епархиальное училище, притеснения, покровительство.

В преддверии 225-летия со дня рождения известного ученого, историка, краеведа, этнографа, собирателя древностей из духовного звания протоиерея Михаила Яковлевича Диева усиливается интерес к разным аспектам его деятельности, один из которых – его отношения с властью предрежущими. Из опубликованной ростовским краеведом А.А. Титовым переписки священника Диева с московским профессором И.М. Снегиревым видно, что скромный сельский священник испытывал немало притеснений от своего епархиального начальства в лице костромских архиереев, недолголюбивающих его за научные занятия и «писательство» [10, с. 10]. За проблемами, создавшимися на местном уровне, остаются вне поля зрения более значимые отношения священника из костромской глубинки с первыми лицами Российского государства. Вследствие различных обстоятельств имя скромного труженика науки и священника из костромского сельского захолустья [5, с. 61] стало известным в придворных кругах и самому самодержцу, сыгравшему значительную роль в судьбе нерехтского пастыря. Цель данного исследования – проследить цепочку взаимоотношений, связавшую священника Диева с императорской семьей.

По окончании Костромской духовной семинарии девятнадцатилетний Михаил Диев 22 октября 1813 г. был хиротонисан в священники Успенской церкви села Тетеринского Нерехтского уезда [7, с. 11]. Священническое место ему досталось в наследство от дяди – иерея Петра Агриколянского, который после смерти супруги удалился в монастырь. Приступив к пастырскому служению в с. Тетеринском, молодой священник Диев взялся за строительство рухнувшей колокольни, возведенной к 1820 г. [4, с. 65]. Слава о молодом энергичном и ревностном священнике Диеве быстро распространилась по Нерехтской округе.

19 марта 1817 г. (в страстной вторник) о. Михаил получил неожиданное приглашение от по-

мещицы Марии Семеновны Аже, проживавшей со своими внуками Бошняками в имении Савиково в нескольких верстах от Тетеринского [5, с. 68].

Прибывши для исповеди М.С. Аже, священник Диев подружился с обитателями «Савиковского дома», особенно с нерехтским уездным предводителем дворянства Александром Карловичем Бошняком [3, с. 38].

Александр Бошняк был «однокашником» известного российского поэта Василия Андреевича Жуковского. Во время обучения в Московском императорском университете В. Жуковский, будучи незаконнорожденным сыном секунд-майора Афанасия Бунина, был очень скуден в средствах и часто получал помощь от благотельной М.С. Аже. В благодарность за постоянную заботу и материальную поддержку В. Жуковский называл Марию Семеновну своей второй матерью, а Бошняка – своим братом [5, с. 66]. Летом 1818 г. священник Диев был приглашен М.С. Аже на освящение церкви в с. Есипове. Дискуссии о религии тетеринского священника и Александра Бошняка расположили аристократа-естествоиспытателя к молодому эрудированному пастырю. В одной из бесед Бошняк признался о. Михаилу: «Да, я вижу, что светская ученость – суета» [5, с. 68].

Завязавшаяся дружба способствовала благоприятным переменам этих личностей. Бошняк нашел в лице священника Диева достойного образованного духовника, а Диев направил свою энергию к серьезной научной деятельности.

Первым творением священника Михаила стала «История Западной Церкви». Эта работа смогла повлиять на всю дальнейшую жизнь о. Михаила и открыла ему путь в научный мир. Рукопись, содержащая 934 страницы текста, была предоставлена директору училищ Костромской губернии Юрию Никитичу Бартневу и способствовала назначению М. Диева на должность законоучителя в Нерехтское уездное училище [2, л. 1 об. – 2].

Летом 1828 г. Бартенев обнаружил в библиотеке Нерехтского училища не востребовавшие иностранные издания, среди которых «Путешествие по Московии Корнелия де Бруина». Любопытный Юрий Никитич поручил священнику Диеву, обладающему хорошими способностями переводчика, сделать перевод путевых записок этого путешественника. Обнаруженные издания с переводом Диева первой главы «Путешествия Бруина» Бартенев представил в Общество истории и древностей российских (ОИДР) при Московском университете. 27 октября 1828 г. имя нерехтского священника-эрудита Михаила Диева впервые прозвучало в столичном научном обществе [11, с. 26]. Сотрудничество иерея Диева в ОИДР способствовало его знакомству и многолетней дружбе с секретарем общества профессором Московского университета Иваном Михайловичем Снегиревым. Работа исторического общества, активизированная И.М. Снегиревым, освещалась в газете «Московские ведомости» и университетских изданиях. Имя священника Диева стало появляться на страницах столичной прессы.

Но научная деятельность нерехтского священнослужителя была принята недружелюбно со стороны сослуживцев и епархиального начальства. Три костромских епископа – Самуил (Запольский-Платонов), Павел (Подлипский) и Владимир (Алявдин) – чинили разные притеснения М. Диеву за его научное творчество. Особенно усердствовал епископ Владимир, считавший, что «священнику некогда заниматься такими безделицами, как история и археология» [10, с. 88]. Время управления Костромской епархией епископом Владимиром стало самым тяжелым периодом жизни и творчества священника М.Я. Диева. Но неблагоприятные обстоятельства и самоотверженные научно-исторические исследования сделали имя священника Михаила Диева известным при царском дворе.

Впервые вмешательство императора Николай I в судьбу священника Диева произошло по следующему обстоятельству. Вакантное место законоучителя в Нерехтском уездном училище предполагал занять настоятель нерехтского Казанского собора протоиерей Иоанн Кандорский, за которого ходатайствовал в письмах директору училищ Костромской губернии Ю.Н. Бартеневу костромской епископ Самуил. Но Бартенев предпочел сельского священника Михаила Диева, предоставившего свое солидное исследование по истории Западной церкви. Протоиерей Кандорский решил отомстить Бартеневу за отказ и, используя свои связи, написал донос императору о будто бы распространившейся среди нерехтских девиц ереси, возглавляемой Бартеневым. После всех следственных мероприятий, установивших абсурдность доноса, Ю.Н. Бартенев на аудиенции в августе 1829 г. пояснил императору Николаю Павловичу, что дело о «нерехтской

ереси» было инициировано протоиереем Кандорским в отместку за отказ ему в должности законоучителя. На должность законоучителя Бартенев решил принять священника Диева, получившего предпочтение за научные труды и сотрудничество в Обществе истории и древностей российских, в отличие от меркантильного соборного настоятеля [5, с. 72]. Так имя священника Михаила Диева стало впервые известно российскому самодержцу, который одобрил выбор директора костромских училищ Ю.Н. Бартенева в пользу эрудированного сельского иерея.

Император Николай I интересовался отечественной историей и следил за деятельностью московского Исторического общества [9, с. 22], в трудах которого часто встречалось имя священника Диева. За ложный донос Сенатом был объявлен строгий выговор костромскому жандармскому чиновнику А.П. Арсеньеву, а костромской епископ Самуил весной 1830 г. был уволен на покой в Николо-Бабаевский монастырь [5, с. 72].

Во время обзорного путешествия по России престолонаследник великий князь Александр Николаевич 13 мая 1837 г. проездом из Шуи в Кострому посетил Нерехту. Цесаревича сопровождали: генерал А.А. Кавелин, К.И. Арсеньев, В.А. Жуковский и др. [4, с. 72]. Во время обеда, устроенного нерехтским городским главою Б.И. Дьяконовым, священник Диев передал через К.К. Бошняка для цесаревича свое сочинение «История владык новгородских с археологическими примечаниями». Василий Андреевич Жуковский, заочно знакомый с о. Михаилом и его трудами через М.С. Аже и братьев Бошняков, передавая рукопись цесаревичу Александру, с восхищением воскликнул: «Каковы здесь сельские священники!» Цесаревич попросил пригласить к себе автора [5, с. 66].

Иерей Диев был радушно встречен В.А. Жуковским и представлен Его Императорскому Высочеству. Жуковский рассказал, что о. Михаил является действительным членом Императорского Общества истории и древностей российских и сотрудником Общества любителей российской словесности, что он собрал множество рукописей, грамот, старинных монет, старопечатных книг и большую библиотеку на свое законоучительское жалование [5, с. 66]. После «благосклонной» беседы, длившейся около часа, цесаревич пожаловал ученого нерехтского священника карманными золотыми часами [4, с. 73].

Дрогой из Нерехты в Кострому Жуковский читал великому князю сочинение о. Диева. На обеде у костромского епископа цесаревич похвалил автора сочинения: «Диев в вашей епархии ученейший!» Епископ Владимир ответил, что у него на Диева имеется много жалоб. Наследник возмущен неприятым отношением архиерея к ученому священнику. Тем не менее архиерей повторил

свои претензии, вызвав большое раздражение престолонаследника [5, с. 66]. Расположение и знаки внимания престолонаследника к ученому сельскому священнику послужили причиной последующих притеснений М. Диева со стороны епископа.

Причиной последующих неприятностей для иерея Михаила была жалоба сослуживца диакона Ремезова, метившего на священническое место Диева. Ремезов обвинял его в увлечениях наукой, редких богослужениях и в недостаточной заботе о храме. В результате доноса костромскому архиерею о. Михаилу было наложено запрещение в священнослужении и праве ношения священнических одежд. Наказание лишало его возможности преподавать и в уездном училище по причине того, что церковные дисциплины имели право преподавать духовные лица, не состоящие под епархиальными взысканиями [10, с. 98]. С запрещением в священнослужении и отстранением от преподавания М. Диеву было отказано в священническом и преподавательском жаловании, и его семья осталась без средств существования. Такое бедственное положение длилось более года, с 18 сентября 1839 г. по ноябрь 1840 г.

В противостоянии костромского епископа и сельского священника были вовлечены многие лица, разделившиеся на два лагеря. Большая часть принимала сторону иерея Михаила, видя несправедливость и злобные ухищрения архиерея, и направляла свои ходатайства обер-прокурору Святейшего синода. Самое живое участие в судьбе о. Михаила принимал профессор И.М. Снегирев, обращавшийся к разным лицам с просьбой о заступничестве. Снегирев многократно извещал В.А. Жуковского о притеснениях нерехтского священника в надежде повлиять на сложившиеся обстоятельства через наследника цесаревича и государя [6, с. 35].

По ходатайству обер-прокурора Николая Александровича Протасова костромской архиерей 29 января 1840 г. разрешил служить иерею Диеву без жалования в нерехтской Богоявленской церкви до окончательного решения его дела. В марте от епископа Владимира синодом потребован ответ о положении Диева. Архиерей был обозлен заинтересованностью синода в делах его епархии, и он вновь отстранил о. Михаила от богослужения [10, с. 98]. Батюшке пришлось самому обращаться в синод. 7 мая 1840 г. он отослал в столицу свое прошение обер-прокурору о своей защите. Вместе с прошением была отправлена статья «Изъяснение некоторых выражений Русской Правды» [5, с. 66].

Однако епископ Владимир не желал прекратить притеснения священника Диева, вызванные личной неприязнью, и старался найти новые поводы для обвинения. В мае последовал архиерейский указ о лишении Диева всей земли, сенокоса и пашни и устное приказание «не давать ему ни копейки дохода». В июне 1840 г. в Сыпановский приход на место о. Михаила был переведен из нерехтской

Преображенской церкви священник Яков Никольский [5, с. 66]. Архиерейским преследованиям подвергались не только сам священник Диев, но и все, кто ему сочувствовал и старался помочь. За промедление с вручением Диеву указа о его наказании был отстранен от должности благочинного и переведен в бедный приход священник Иоанн Униковский. Священник Илларион Панин был уволен от должности присутствующего в Нерехтском духовном правлении за то, что не смог найти объективные поводы против о. Диева. По подобным же причинам был назначен и вскоре смещен с благочиния священник нерехтской Благовещенской церкви Петр Смирнов [1, л. 1 об. – 2].

Все дела завершились указом Святейшего синода от 18 сентября 1840 г. в пользу о. Михаила. Архиерей представлял в синод свое возражение, но в ответ пришло строжайшее предписание о немедленном исполнении указа, вследствие которого Диев через 14 месяцев был возвращен на прежнее место служения в Сыпановский приход [5, с. 76.].

История тяжбы костромского епископа Владимира и сельского священника Михаила Диева стала известна императору Николаю I. Монарх решил по справедливости прекратить костромские церковные распри. Его указом «о неподсудности священника М. Диева» все прежние дела, заводимые против о. Михаила, были признаны маловажными [8, л. 12]. Епископ Владимир, причинивший многие неприятности ученому священнику Диеву, императорским указом от 14 ноября 1842 г. был переведен в Тобольск.

Любознательность, аналитический склад ума, широкий кругозор научных интересов и неиссякаемый научный потенциал сделали священника из «костромского захолустья» известным большому кругу влиятельных особ Российской империи и самого самодержца. Вопреки тому, что большинство объемных серьезных работ священника Михаила Диева не были опубликованы и до настоящего времени остаются в рукописях, костромская историческая мысль стала известна далеко за пределами костромской провинции. Рукописные работы Диева читались не только членами московского Исторического общества, но и представителями царского дома. Священник Диев был сторонником сакрализации самодержавной власти и всецело надеялся на монаршую справедливость. Научная трудоспособность, воспринятая враждебно костромским духовенством, сделала для ученого священника могучим покровителем и заступником самого самодержца Николая I, вмешавшегося в судьбу «скромного труженика науки» и царской властью прекратившего все притеснения пастыря.

Библиографический список

1. Государственный музей-заповедник Ростовский кремль (ГМЗРК). – Ф. 387. – Оп. 1. – Д. 87.

2. ГМЗРК. – Ф. 387. – Оп. 1. – Д. 39.
3. Григоров А.А. Из истории костромского дворянства. – Кострома, 1993. – 472 с.
4. Диев М.Я. История города Нерехты. – Кострома: Линия График Кострома, 2012. – 135 с.
5. Диев М.Я., *свящ.* Благодетели мои и моего рода // Русский архив, издаваемый Петром Барте-невым, 1891. – М.: Университетская типография, 1891. – Кн. 2. – 504 с.
6. Кастальева Т.Б. История жизни ученого протоиерея Михаила Диева, рассказанная им самим. – М.: Форум, 2008. – 64 с.
7. Новосельский Н., *свящ.* Сыпаново (Историческое описание его в бытность монастырем и после приходской церковью) // Костромские епархиальные ведомости. – 1897. – № 1–2.
8. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). – Ф. 775 (А.А. Титов). – Д. 3946.
9. Письма о. Михаила Диева к И.М. Снегиреву / с предисл. действ. члена А.А. Титова // Издание Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. – М.: Тип. Штаба Московского военного округа, 1909. – 64 с.
10. Титов А.А. Биографический очерк протоиерея Михаила Диева с приложением его писем к Ивану Михайловичу Снегиреву 1830–1857 // Материалы для истории Общества истории и древностей российских: Переписка гг. действительных членов общества (1830–1876) / собраны членом-соревнователем А.А. Титовым. – 1887. – 116 с.
11. Труды и летописи Общества истории и древностей российских. – М.: Университетская типография, 1837. – Т. 8. – 410 с.

References

1. Gosudarstvennyj muzej-zapovednik Rostovskij kreml' (GMZRK). – F. 387. – Op. 1. – D. 87.
2. GMZRK. – F. 387. – Op. 1. – D. 39.
3. Grigorov A.A. Iz istorii kostromskogo dvoryanstva. – Kostroma, 1993. – 472 s.
4. Diev M.YA. Istoriya goroda Nerekhty. – Kostroma: Liniya Grafik Kostroma, 2012. – 135 s.
5. Diev M.YA., *svyashch.* Blagodeteli moi i moego roda // Russkij arhiv, izdavaemyj Petrom Bartenevym, 1891. – M.: Universitetskaya tipografiya, 1891. – Kn. 2. – 504 s.
6. Kastal'eva T.B. Istoriya zhizni uchenogo protoiereya Mihaila Dieva, rasskazannaya im samim. – M.: Forum, 2008. – 64 s.
7. Novosel'skij N., *svyashch.* Sypanovo (Istoricheskoe opisanie ego v bytnost' monastyrem i posle prihodskoj cerkov'yu) // Kostromskie eparhial'nye vedomosti. – 1897. – № 1–2.
8. Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki (OR RNB). – F. 775 (A.A. Titov). – D. 3946.
9. Pis'ma o. Mihaila Dieva k I.M. Snegirevu / s predisl. dejstv. chlena A.A. Titova // Izdanie Imperatorskogo Obshchestva istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete. – M.: Tip. SHtaba Moskovskogo voennogo okruga, 1909. – 64 s.
10. Titov A.A. Biograficheskij ocherk protoiereya Mihaila Dieva s prilozheniem ego pisem k Ivanu Mihajlovichu Snegirevu 1830–1857 // Materialy dlya istorii Obshchestva istorii i drevnostej rossijskih: Perepiska gg. dejstvitel'nyh chlenov obshchestva (1830–1876) / sobrany chlenom-sorevnovatelem A.A. Titovym. – 1887. – 116 s.
11. Trudy i letopisi Obshchestva istorii i drevnostej rossijskih. – M.: Universitetskaya tipografiya, 1837. – T. 8. – 410 s.